Библейско-богословская коллекция
АГИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Иеромонах ХАРЛАМПИЙ

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
МАКСИМА ГРЕКА

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2007.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2007

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МАКСИМА ГРЕКА,

трудившагося въ переводѣ богослужебныхъ книгъ съ древне-Греческаго на Славянскій языкъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка, при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, и потомъ **двадцать пять лѣтъ** томившагося въ заточеніи за правду.

СОСТАВИЛЪ

Іеромонахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры

ХАРАЛАМПІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва. Января 20 дня 1886 года.

Цензоръ Протоіерей *Михаилъ Боголюбскій.*

Типографія Р. Голике, Троицкій пер., д. № 18—20.

Ревнитель истины и благочестія преподобный Максимъ Грекъ, хотя и не причтенъ къ лику святыхъ, но по великимъ дѣламъ его и многолѣтнимъ скорбнымъ страданіямъ, которыя онъ претерпѣлъ за свою пламенную любовь къ истинѣ, за свою ревность къ славѣ Божіей и за свою непримиримую вражду къ невѣжеству и пороку, прилично помѣстить его на ряду съ подвижниками Русской Церкви.

Отечество преподобнаго Максима былъ городъ Арта, въ Албаніи, близъ Эпира. Онъ родился около 1480 года отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей Мануила и Ирины, Греческаго происхожденія, почему и самъ вездѣ значится Грекомъ.

Отецъ его былъ важнымъ сановникомъ и отличался чистотою вѣры — православной, а потому и Максима воспиталъ въ глубокомъ благочестіи и научилъ страху Божію. Первоначальное образованіе въ наукахъ Максимъ получилъ отъ своего же родителя, ибо въ то время, съ паденіемъ Констан-

тинополя и порабощеніемъ всѣхъ Греческихъ областей подъ иго Магометанъ, всѣ училища были уничтожены. Святотатственная рука Турокъ истребляла огнемъ и мечемъ все то, чѣмъ гордилась Греція предъ прочими народами. Въ то горестное время, ученые Греки разсѣялись по всѣмъ западнымъ государствамъ, которыя по стремленію къ сокровищамъ Греческой литературы съ любовію принимали ученыхъ мужей и покровительствовали наукамъ. Для нихъ открыты были дворы государей, каѳедры университетовъ и дружба богатыхъ и знатныхъ.

И такъ съ раннихъ лѣтъ промыслъ Божій судилъ Максиму встрѣтить тяжкія испытанія, и этимъ какбы приготовлялъ его къ тѣмъ горькимъ страданіямъ, которымъ онъ долженъ былъ подвергнуться въ позднѣйшіе годы своей жизни.

Въ описываемое нами время невозможно было любознательному уму получить въ Греціи высшее научное образованіе, а потому многіе юноши отправлялись въ европейскія государства для образованія себя въ наукахъ. Въ то время Италія отличалась особеннымъ покровительствомъ наукѣ, и повсюду въ знатнѣйшихъ ея городахъ учреждались библіотеки. Папы, государи и богатые граждане спѣшили спасать Греческія рукописи отъ истребленія невѣжественными Турками. Естественно было и юному Максиму, по любви къ наукѣ, искать образованія внѣ отечественной страны. Поэтому

онъ отправился въ Парижъ, гдѣ у знаменитаго Грека Іоанна Ласкариса обучался Богословію, Философіи, Исторіи, Словесности и языкамъ: древне-Греческому, Латинскому, Французскому и Италіянскому.

Окончивъ образованіе у Ласкариса, Максимъ, желая короче ознакомиться съ древними языками, отправился въ Венецію, сблизился тамъ съ знаменитымъ типографомъ Альдомъ Мануччи, который обладалъ глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ, при немъ всегда было общество ученыхъ, помогавшихъ ему при печатаніи книгъ съ древнихъ рукописей. При помощи такихъ руководителей, Максимъ ознакомился съ словесными произведеніями древней Эллады, такъ что и самъ, впослѣдствіи, нерѣдко приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ древнихъ поэтовъ.

Изъ Венеціи Максимъ отправился во Флоренцію, гдѣ долгое время прожилъ тоже среди ученыхъ, но къ несчастью зараженныхъ языческими убѣжденіями; но онъ, какъ мудрая пчела, извлекалъ изъ проповѣдуемой философіи только то, что не чуждо было христіанской религіи. Въ то время, т. е. въ XVI вѣкѣ, Италія жестоко страдала недугомъ невѣрія и, какъ обыкновенно бываетъ по закону правосудія Божія, за отверженіе чистой вѣры предана была жалкому суевѣрію. О чемъ современникъ Максима Италіянецъ Доминикъ Бенивенъ говоритъ такъ: „грѣхи и злодѣянія въ Италіи умно-

жились, потому что эта страна потеряла вѣру во Христа". Тогда вѣрили, что все въ мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіею. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только развѣ для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые видѣли въ ней обманъ и выдумку человѣческую. Такъ было во всей Италіи, и въ особенности во Флоренціи. Всѣ мужчины и женщины обратились къ нравамъ языческимъ, занимались поэтами, астрологами и всякаго рода суевѣріемъ. Въ самыхъ даже представителяхъ Западной церкви потрясена была вѣра.

Общее зараженіе безвѣріемъ частію колебало и Максима, который въ юношескомъ своемъ возрастѣ, вращаясь среди заразы, не всегда могъ правильно понимать отношенія философіи къ евангельской истинѣ, и „если бы, какъ пишетъ объ этомъ Максимъ, Господь, пекущійся о спасеніи всѣхъ, не помиловалъ меня и не посѣтилъ вскорѣ своею благодатію, и не озарилъ свѣтомъ своимъ мысль мою, то давно бы и я погибъ съ находящимися тамъ проповѣдниками нечестія".

И дѣйствительно, при повсемѣстномъ зараженіи безвѣріемъ, безъ особой помощи Божіей невозможно было устоять юношѣ, видя наставниковъ своихъ послѣдующихъ туда, куда влекла волна

языческихъ нравовъ. Поэтому Максимъ даже удивляется, какъ только онъ могъ избѣгнуть поглощающей волны, и приписывая свое правовѣріе пекущемуся о немъ промыслу Божію, остался невредимымъ отъ увлеченія, и среди безбожниковъ сохранилъ чистую вѣру въ Бога.

Почерпнувши глубокое свѣдѣніе въ наукахъ и основательно изучивши Греческій, Латинскій, Французскій и Италіянскій языки, онъ оставилъ Флоренцію и не возвратился обратно въ свое отечество, но отправился на Аѳонъ, предпочитая мирное уединеніе свѣтскому шуму. Между прочимъ и другая мысль влекла на Аѳонъ любознательнаго Максима, такъ какъ онъ неоднократно слышалъ отъ своего наставника Іоанна Ласкариса *), который, по порученію Лаврентія Медичи, изъ Флоренціи отправлялся туда за рукописями и вывезъ оттуда до 200 древнихъ книгъ, что тамъ осталось множество драгоцѣнныхъ сокровищъ, которыя хранятся въ библіотекахъ Аѳонскихъ монастырей, а также, онъ же, Ласкарисъ, разсказывалъ и о великихъ старцахъ философахъ, жившихъ въ то время на Аѳонѣ, которые были зерцаломъ духовной учености, въ высшемъ смыслѣ любомудрія духовнаго, основаннаго не на одномъ только созерцаніи, но и на дѣяніи подвижнической жизни.

*) Ласкарисъ въ то время уже жилъ въ Венеціи въ качествѣ посла Людовика XII.

Въ то время на Аѳонѣ въ двадцати обителяхъ сосредоточились всѣ богатѣйшія Греческія библіотеки, но преимущественно Ватопедская обитель владѣла болѣе драгоцѣнными сокровищами духовной литературы, которыя ей оставили послѣ своей смерти два иночествовавшіе въ ней Императора: Андроникъ Палеологъ и Кантакузенъ.

Около 1507 года Максимъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ братство Благовѣщенской Ватопедской обители, гдѣ принялъ и постриженіе въ монашество. И здѣсь-то въ уединеніи, вдали отъ шума житейскихъ волнъ, разныхъ превратностей и разномыслія, Максимъ въ кругу опытныхъ и единонравныхъ старцевъ началъ проводить жизнь по правиламъ Ватопедской обители. При томъ неоднократно, въ видѣ послушанія, возлагалось на него порученіе отъ обители, отправляться для сбора милостыни, такъ какъ въ то время Ватопедскій монастырь не могъ болѣе содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучаться съ обителію, но какъ истинный послушникъ, для блага и пользы ближняго, и изъ любви къ угнетеннымъ, отправлялся онъ въ странствованія, и проходя изъ города въ городъ собиралъ отъ доброхотныхъ дателей изобильную милостыню, а самъ, какбы взамѣнъ оной, проповѣдывалъ имъ изъ неоскудѣваемаго источника своего любомудрія слово назиданія и чистоту православной вѣры.

Прошло около десяти лѣтъ пребыванія Максима на Святой Горѣ, какъ въ это время получены были письма изъ Россіи и отъ Султана на имя Прота (игумена) Симеона въ Кареѣ. Великій Князь Московскій Василій Іоанновичъ просилъ прислать къ нему на время Ватопедскаго старца Савву, для перевода Греческихъ книгъ, на котораго, какъ видно, указалъ іеромонахъ Ватопедской обители Неофитъ, бывшій въ Москвѣ и теперь возвращавшійся изъ Россіи. Съ этою просьбою и богатою милостынею, въ мартѣ мѣсяцѣ 1515 года, посланы были отъ Великаго Князя люди торговые Василій Копылъ и Иванъ Варравинъ. По прибытіи на Св. Гору, посланные остановились въ Ватопедской обители, гдѣ они побывали у старца Саввы, который на приглашеніе Великаго Князя Московскаго, отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на старость и болѣзненное состояніе ногъ. Видя несоизволеніе Саввы, Протъ Симеонъ, по совѣту Ватопедской братіи, рѣшился замѣнить престарѣлаго Савву инокомъ Максимомъ, который, какбы предвидя, что въ Россіи ожидаютъ его многолѣтнія гоненія и скорби, долго отказывался отъ этого тяжкаго порученія и удаленія изъ любимой имъ Святой Горы; но просьбы игумена, который поставилъ ему на видъ, что доставить духовную пищу алчущимъ есть величайшая любовь, смягчили Максима, и онъ рѣшился ѣхать въ Россію. Ватопедскій же игуменъ Анѳимъ, при отправленіи Максима, писалъ письмо къ Великому Кня-

зю и Митрополиту, слѣдующаго содержанія: «Посылаемый нами инокъ Максимъ свѣдущъ въ божественномъ писаніи и способенъ къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ и такъ называемыхъ Еллинскихъ. Правда, писалъ онъ, Максимъ не знаетъ Русскаго языка, а только Греческій и Латинскій; но мы надѣемся, что онъ скоро научится и Русскому языку». И такимъ образомъ съ молитвою и напутственнымъ благословеніемъ Максимъ отправился съ послами въ Россію, взявши съ собою вышеупомянутаго іеромонаха Неофита и Лаврентія, которые были нѣсколько знакомы съ Русскимъ языкомъ.

Путешествіе ихъ было весьма продолжительное, такъ какъ Василій Копылъ и Иванъ Вараввинъ должны были нѣсколько времени провести въ Крыму, по своимъ коммерческимъ дѣламъ, а Максимъ это время употребилъ на изученіе Русскаго языка, и въ началѣ 1518 года прибылъ въ Москву.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, почему именно Великій Князь Василій Іоанновичъ обратился на Аѳонъ съ просьбою выслать переводчика? Причина этому была слѣдующая: въ то время Россія, истерзанная набѣгами дикихъ Татарскихъ Ордъ, отдыхала отъ ратнаго дѣла и во всемъ Русскомъ царствѣ водворился вожделѣнный миръ. Въ это тихое время Великій Князь Василій Іоанновичъ обратилъ вниманіе на множество древнихъ рукописей и книгъ Греческихъ и Латинскихъ, хранившихся въ библіо-

текѣ подлѣ царскихъ покоевъ, которыя вывезены были его матерью Великою Княгинею Софіею Ѳоминишною изъ Константинополя въ то время, когда она ѣхала въ Россію для бракосочетанія съ Іоанномъ III-мъ, его родителемъ. А нѣкоторыя книги были присылаемы ей въ даръ Константинопольскими патріархами. Такимъ образомъ вотъ существенная причина, побудившая Великаго Князя обратиться на Аѳонъ и просить переводчика.

По прибытіи Максима въ Москву, Великій Князь встрѣтилъ его съ радушіемъ, назначивъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ, содержаніе же получать отъ Двора.

Кромѣ Великаго Князя, Максиму оказывалъ особое вниманіе и первосвятитель Московскій Варлаамъ, который былъ мужъ святой жизни, трудился въ иконописаніи, любилъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и хотя самъ не былъ писатель, но охотно послѣдовалъ совѣтамъ къ улучшенію состоянія церковнаго. Великокняжеская библіотека цѣлыхъ сто лѣтъ не отпиралась и теперь только открылась для Максима, и онъ, видя здѣсь драгоцѣнное сокровище, удивился и вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ въ восторгъ отъ тѣхъ сокровищъ, которыхъ не приходилось ему видѣть и въ Греціи. Причина тому была та, что Греческіе Цари, не желая, чтобы Западная церковь, находящаяся въ разъединеніи съ Восточною, имѣла въ переводѣ на Латинскій языкъ творенія Восточныхъ учителей,

строго запретили вывозъ Греческихъ книгъ въ западныя государства; вслѣдствіе этого для Запада, при всемъ его желаніи имѣть переводы Греческой литературы, она была недоступна. Но когда попущеніемъ Божіимъ посланъ былъ варварскій народъ на Греческое царство, и послѣ плѣненія Константинополя, ожесточенные Турки начали предавать огню все то драгоцѣнное сокровище, которымъ такъ гордилась Греція и которое недоступно было народу чуждому по исповѣданію, тогда нѣкоторые благочестивые христіане, желая, чтобы не до конца угасло свѣтило Греческаго православія, взяли множество книгъ Греческихъ и отплыли съ ними въ Римъ. Кто же можетъ описать ту радость Римлянъ, когда въ рукахъ Римскихъ типографщиковъ появились Греческія книги, которыхъ они издавна добивались! Они съ жадностію начали переводить и печатать всѣ привесенныя книги на Латинскій языкъ, а Греческіе подлинники сожгли. Вслѣдствіе этого вѣроломнаго обмана совершенно оскудѣла у Грековъ философія.

Осмотрѣвши всю библіотеку, Максимъ спросилъ Великаго Князя, какую бы онъ желалъ первую книгу перевесть на Славянскій языкъ? Великій Князь посовѣтовался съ Митрополитомъ и боярами, и съ общаго совѣта было рѣшено заняться переводомъ толковой псалтири, такъ какъ эта книга наиболѣе другихъ обращалась въ рукахъ: съ нея начинали знакомиться съ грамотою; къ ней всего чаще

обращались въ церковномъ богослуженіи; она служила и для домашняго благочестиваго употребленія, какъ уединенному подвижнику такъ равно и простому мірянину. А такъ какъ Максимъ еще не былъ силенъ въ Русско-Славянскомъ языкѣ, и притомъ не ознакомленъ съ его особенностями, то ему дали двухъ переводчиковъ Димитрія Герасимова и Власія, владѣвшихъ Латинскимъ языкомъ, и они должны были переводить съ Латинскаго на церковно-Славянскій языкъ то, что передавалъ имъ Максимъ съ Греческаго на Латинскій. Въ пособіе же переводчикамъ назначены были два писца: Михайло Медоварцевъ и инокъ Троицкаго-Сергіева монастыря Силуанъ.

И такимъ образомъ, столь сложная работа продолжалась слишкомъ медленно, такъ какъ богомудрому Максиму приходилось трудиться не только въ переданіи чистоты и полноты правильныхъ выраженій, но и въ непогрѣшительномъ толкованіи, такъ какъ въ сводномъ толкованіи псалмовъ были соединены изъясненія двадцати различныхъ толкованій, которыя рознились между собою какъ въ направленіи толкованій, такъ равно и въ самомъ объясненіи тѣхъ или другихъ псалмовъ. Сверхъ того, между толкователями было нѣсколько лицъ, признанныхъ въ древней церкви еретиками, а другихъ православіе считалось сомнительнымъ. Такъ напримѣръ: на ряду съ именами св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго стояли Оригенъ,

Аполлинарій, Дидимъ, Северіанъ Антіохійскій и прочіе.

Трудно было Максиму отдѣлять, отъ чистой пшеницы толкованія Св. Отцевъ, примѣсь еретическихъ плевелъ; для этого требовалась строгая осмотрительность и глубокое знаніе Богословія. Но однако при помощи Божіей и усиленной работѣ, черезъ годъ и пять мѣсяцевъ переводъ псалтири былъ оконченъ и представленъ Великому Князю при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, труженикъ, изъ скромности и по глубокому смиренію, писалъ: „надлежало бы книгѣ, исполненной такихъ достоинствъ, имѣть и переводчика болѣе опытнаго въ словесномъ искусствѣ, который бы могъ не только глубокомысленныя реченія богомудрыхъ мужей достойно передать, но и временемъ похищенное вознаградить, и невѣжествомъ переписчиковъ поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами Греки, *и учились у знаменитыхъ учителей;* но еще стоимъ нѣгдѣ долу, при подошвѣ горы Ѳаворской, съ девятью учениками, какъ еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголѣпныхъ видѣній Просвѣтителя Іисуса, которыхъ удостоиваются только просіявшіе высокими добродѣтелями. Говорю это потому, что Греческій языкъ, по изобилію въ значеніи словъ и въ разныхъ способахъ выраженія, придуманныхъ древними риторами, довольно представляетъ трудностей въ переводѣ, для побѣжденія которыхъ

нужно бы намъ было еще много времени и усилій. Однако же, сколько Богъ намъ свыше даровалъ и сколько мы сами могли уразумѣть, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцемъ или отъ долговременности, гдѣ возможно было при пособіи книгъ, или по собственной догадкѣ, старались исправить. Гдѣ же не могли мы ничего сдѣлать, оставили такъ, какъ было". При этомъ Максимъ не отрицалъ, что могутъ найтись въ его переводѣ и ошибки, происшедшія отъ недосмотра и недоразумѣнія, и просилъ, по возможности, исправлять ихъ, но съ тѣмъ, чтобы исправитель самъ былъ силенъ въ знаніи Греческаго языка, хорошо былъ знакомъ съ грамматикою, риторикою и съ значеніемъ Греческихъ словъ.

Далѣе, Максимъ просилъ у Государя достойнаго награжденія своимъ сотрудникамъ: переводчикамъ и писцамъ; а себѣ, какъ единственной милости, позволенія возвратиться въ Святую Гору вмѣстѣ съ возвращающимися спутниками своими Неофитомъ и Лаврентіемъ.

Вѣроятно великая его душа, предчувствуя готовящіяся ему бѣдствія, рвалась туда, гдѣ вѣчно царитъ тишина и невозмутимость отъ мірскаго шума. Поэтому онъ писалъ Государю: „Избавь насъ отъ печали долгой разлуки, возврати безбѣдно честному монастырю Ватопедскому, давно уже насъ жаждущему. Дай намъ совершить обѣты иноческіе

тамъ, гдѣ мы ихъ произнесли предъ Христомъ и страшными Его Ангелами въ день постриженія. Отпусти насъ скорѣе въ мирѣ, чтобы намъ возвѣстить и тамъ находящимся православнымъ о твоихъ царскихъ доблестяхъ, да вѣдаютъ бѣдствующіе христіане тѣхъ странъ, что есть еще на свѣтѣ Царь, не только владѣющій многими народами, но и цвѣтущій правдою и православіемъ, подобно Константину и Ѳеодосію Великимъ. Да даруетъ Господь нѣкогда царствовать и намъ, освобожденнымъ тобою отъ рабства нечестивымъ" *).

Какъ видно, уже Максимъ тяготился возложеннымъ на него послушаніемъ.

Великій Князь, получивши отъ Максима переведенную псалтирь, передалъ ее на разсмотрѣніе Митрополиту; но судить о достоинствѣ книги по выбору толкованій или о точности ея перевода некому было въ Москвѣ, по недостатку образованія въ духовенствѣ. Между тѣмъ его переводъ имѣлъ обиліе назидательныхъ мыслей, ясность и вразумительность перевода,—все это заставляло дать весьма одобрительный отзывъ о трудѣ его, какъ объ этомъ говоритъ „Сказаніе о Максимѣ": Преосвященный Митрополитъ приходитъ въ царевы палаты, со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ сопровожденіи клирика, который несъ новопереведенную Псалтирь, и всѣ соборнѣ одобряютъ ее, называя

---

*) Карам. т. VII, пр. 340.

ее источникомъ благочестія. Тогда Великій Князь съ радостію принялъ эту книгу и почтилъ трудившихся не только великими похвалами, но и сугубою мздою".

И такъ переводъ показалъ, что многаго можно было ожидать отъ ученаго Грека, поэтому Великій Князь никоимъ образомъ не соглашался отпустить его на Св. Гору, а поручилъ ему перевести толкованія древнихъ Отцевъ на Дѣянія Апостольскія и толкованіе Іоанна Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна.

Трудолюбивый Максимъ при помощи переводчика Власія скоро окончилъ этотъ небольшой трудъ. Послѣ этого перевода, возложенъ былъ на него новый трудъ, исправленіе Славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Неутомимый труженикъ вначалѣ всего обратилъ вниманіе на церковную тріодь, въ которой нашелъ много грубыхъ ошибокъ, происшедшихъ отъ малограмотности переписчиковъ. Почему, будучи пылкаго характера и притомъ строго слѣдуя правильности и точности въ столь великомъ дѣлѣ, онъ ревностно очищалъ плевелы обѣими руками, какъ объ этомъ самъ выражался; а иногда высказывалъ рѣзкіе отзывы о томъ, что видѣлъ. Но то, что видѣлъ онъ, видѣли не многіе, поэтому слѣпая страсть къ старинѣ всѣ тѣ отзывы Максима считала за оскорбленіе святыни, почему и начался втайнѣ ропотъ на „пришельца Греческаго", какъ выражались о Максимѣ ропотники.

Но однако явно никто не дерзалъ возводить на честнаго и безкорыстнаго труженика клеветы, боясь гнѣва Великаго Князя, который, кромѣ оказываемой ему любви и уваженія, часто пользовался его совѣтами въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, ибо онъ видѣлъ въ немъ мужа мудраго и ревностнаго поборника за православную вѣру. Между тѣмъ и Максимъ, видя расположеніе къ себѣ Государя, не скрывалъ для одного себя эту царскую милость; онъ, пользуясь этимъ вниманіемъ, приносилъ пользу и ближнимъ, часто ходатайствовалъ предъ Великимъ Княземъ за вельможъ, подпавшихъ его гнѣву. Ропотъ недовольныхъ, конечно, дошелъ до Максима, который, при дальнѣйшемъ исправленіи, началъ уже дѣйствовать осторожнѣе и въ разныхъ недоумѣніяхъ совѣтовался съ Митрополитомъ Варлаамомъ; хотя это дѣло и производилось келейнымъ образомъ, но клевета дѣлала свое, такъ что неудовольствіе распространилось и въ духовенствѣ: всѣ заговорили, будто бы Максимъ отвергаетъ Русскія церковныя книги и утверждаетъ, что въ Россіи нѣтъ ни Евангелія, ни Апостола, ни Псалтири и ни Устава. Больно слышать было Максиму, который по чистотѣ своего сердца и совѣсти трудился для того, чтобы принести пользу ближнимъ, но выходило все наоборотъ. Слишкомъ узкое понятіе и непросвѣщеніе все то, что дѣлалось для болѣе понятнаго выраженія и чистоты рѣчи, считало злоупотребленіемъ и новшествомъ. Всѣ эти недоразу-

мѣнія, конечно, были бы разъяснены, если бы въ то время на Московской каѳедрѣ былъ его покровитель Митрополитъ Варлаамъ, но онъ въ концѣ 1520 года по неудовольствію съ Великимъ Княземъ вынужденъ былъ оставить свою каѳедру, а мѣсто его занялъ Даніилъ, изъ иноковъ Волоколамской обители, человѣкъ далеко не сочувствующій Максиму и его дѣлу, и бывшій на сторонѣ недовольныхъ имъ. Съ этого времени свобода и спокойствіе, которыми Максимъ доселѣ пользовался, сдѣлались ограниченными; а такъ какъ Даніилъ любилъ заниматься не столько дѣлами вѣры, сколько интригами тщеславія и человѣкоугодія, то и труды Максима ставились ни во что. Между прочимъ, Митрополитъ Даніилъ гнѣвался на Максима еще и за то, что онъ поставленіе его въ Митрополита безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ считалъ незаконнымъ; притомъ возставалъ и противъ обязательнаго включенія въ архіерейскую присягу того, чтобъ никого не принимать изъ рукоположенныхъ Константинопольскимъ Патріархомъ въ священный санъ. Все это смущало ревнителя, а потому онъ старался опровергнуть ложную мысль, бывшую въ ходу на Руси въ его время, будто самыя святыя мѣста Востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія „въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя“ и что поэтому не должно принимать рукоположенія отъ Патріарха Констатинопольской Церкви, подобно какъ Латинской, и не

допускать въ свою церковь рукоположенныхъ ими *).

Когда же онъ сталъ спрашивать, почему новый Митрополитъ поставленъ безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ? — ему отвѣчали, что на это есть въ Москвѣ благословенная грамота отъ Константинопольскаго Патріарха, которою дозволяется Русскимъ Митрополитамъ ставиться своими Епископами. Но однако при всей тщательности къ розысканію этой грамоты, оная нигдѣ не обрѣлась.

Естественно, подобные вопросы и сомнѣнія не нравились Даніилу, а потомъ къ его неудовольствію прибавилась еще и ненависть. Къ окончательной же ссорѣ Даніила съ Максимомъ послужило слѣдующее обстоятельство: Однажды Даніилъ просилъ Максима перевесть Церковную Исторію блаженнаго Ѳеодорита (неизвѣстно для какой цѣли), но разсудительный Максимъ отказался отъ этого труда и сказалъ Митрополиту, что это сочиненіе, по содержащимся въ немъ письмамъ еретиковъ Арія и Несторія, можетъ быть вредно „для простоты“, т. е. для несвѣдущихъ людей. Но Даніилъ принялъ такой отвѣтъ Максима за непослушаніе, и еще больше сталъ на него гнѣваться, и на всѣ труды его, сдѣланные при Варлаамѣ, сталъ смотрѣть не благодушно. Открыто же преслѣдовать его

*) Ист. Рус. Церкв. Преосв. Макарія VIII, 346.

боялся, такъ какъ Великій Князь былъ по прежнему къ нему благосклоненъ.

Видя враждебныя къ себѣ отношенія Митрополита, ревнитель правды не смущался этимъ; онъ не страшился ни угрозъ, ни лишеній, ибо послѣдуя Евангельской нестяжательности ничего не имѣлъ лишняго. Между тѣмъ Максимъ считалъ нужнымъ указать Митрополиту на то, о чемъ бы ему должно болѣе заботиться и что искоренять, именно то зло, которое существовало въ Русскихъ монастыряхъ, ибо онъ видѣлъ, какъ въ то время иноки заботились только лишь о пріумноженіи имѣнія и вотчинъ, отнюдь не заботясь о своемъ спасеніи. Видя бездѣйствіе Митрополита, Максимъ рѣшился самъ въ разныхъ писаніяхъ обличать ихъ и напоминалъ имъ объ обѣтахъ, даныхъ каждымъ при постриженіи; при этомъ ставилъ въ образецъ видѣнные имъ на Западѣ монастыри, гдѣ иночествующіе строго хранили произвольное нестяжаніе. Обличая иноковъ, онъ въ то же время не упускалъ сильнымъ и небоязненнымъ своимъ словомъ обличать пороки въ духовенствѣ, вельможахъ и въ народѣ. Все это сильно возбуждало ненависть къ нему недовольныхъ, такъ какъ для ихъ очей, омраченныхъ невѣжествомъ, слишкомъ рѣзокъ былъ тотъ свѣтъ истины, съ какимъ Максимъ раскрывалъ предъ ними заблужденія и пороки ихъ.

Вслѣдствіе этого, на прямодушнаго Максима посыпались со всѣхъ сторонъ разныя клеветы, будто

бы онъ порицаетъ святыхъ Русскихъ иноковъ, которые не отказывались отъ богатыхъ приношеній, дѣлаемыхъ ихъ монастырямъ, принимали и пріобрѣтали села и деревни.

Но Максимъ, какъ адамантъ, твердо ратовалъ по благочестію; онъ не падалъ духомъ, и на всѣ распространяемыя на него клеветы смотрѣлъ равнодушно, ибо чистая его душа только одного и желала: неутомимо и ревностно дѣйствовать о истинѣ Христовой, для пользы ближнихъ.

Ведя борьбу съ духовенствомъ, вельможами и съ народомъ, онъ въ то же самое время боролся съ Римскимъ первосвященникомъ, который, обезсиливаемый на Западѣ Лютеромъ, много заботился о распространеніи своей власти на Сѣверо-Востокѣ и пытался склонить Русскихъ къ соединенію съ нимъ. Для этого со стороны Папы посланъ былъ Легатъ, Николай Шонбергъ, который прибылъ въ Москву и уже началъ распространять между народомъ „Слово о соединеніи Руссовъ и Латинянъ“. Онъ успѣлъ обольстить боярина Өеодора Карпова, колебалъ и другихъ; особенно мысли его о фортунѣ производили волненіе въ народѣ. Преподобный Максимъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, и вооружившись оружіемъ правды сильно возсталъ противъ обмана, разбилъ и опровергъ въ прахъ всѣ доводы и козни Шонберга, написавъ по этому поводу до 15-ти сочиненій, преслѣдуя на каждомъ шагу вѣроломство католиковъ; но въ то же время

его мудрыя писанія были направлены противъ іудеевъ, язычниковъ и магометанъ.

Но однако сколько ни сражался Преподобный ревнитель истины и благочестія съ закоренѣлыми пороками, злоба человѣческая сдѣлала свое, какъ это увидимъ ниже.

Въ 1524 году Великій Князь Василій Іоанновичъ задумалъ развестись съ добродѣтельною, но неплодною супругою своею Соломоніею, съ которою проживши 20 лѣтъ и не имѣя наслѣдника, пожелалъ для этой цѣли вступить въ новый бракъ съ Еленою Глинскою. Конечно, нашлись люди съ уклончивою совѣстью, которые, попирая Божескіе законы, ради угодливости Царю, одобрили мысль его, изъ таковыхъ на первомъ мѣстѣ стоялъ Митрополитъ Даніилъ. Но прямодушный Максимъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ старцемъ Вассіаномъ, потомкомъ князей Литовскихъ, смотрѣли на все это дѣло совершенно иначе, потому что церковныя правила не дозволяли разводъ подобнаго рода. Великая душа его не стерпѣла видѣть подобное законопреступленіе, и будучи движимъ ревностью, онъ смѣло и безбоязненно написалъ Великому Князю письменное наставленіе, въ которомъ убѣждалъ его не покоряться плотоугодію. „Того признавай истиннымъ Царемъ, писалъ блаженный Максимъ, кто управляетъ подданными по правдѣ и по закону, а безсловесныя похоти старается преодолѣвать въ себѣ... Кто же побѣждается ими,

тотъ не образъ одушевленный Владыки небеснаго, а безсловесное животное въ видѣ человѣка" *).

Прочитавъ посланіе, Великій Князь Василій Іоанновичъ, вообще не любившій никакихъ противорѣчій его волѣ, удивился, какъ это могъ дерзнуть пришлецъ, Грекъ, учить его, Державнаго; тѣмъ болѣе, что глава Русской Церкви (Митрополитъ) не только не возбранилъ хотѣнію царскому, но даже одобрилъ его намѣреніе!

Съ этого времени оказываемая Максиму великокняжеская милость замѣнилась гнѣвомъ, и онъ уже не имѣлъ свободнаго доступа къ Царю. Между тѣмъ и враги, бдительно слѣдившіе за ходомъ дѣла, увидѣвши охладѣвшаго къ Максиму Великаго Князя, какъ хищные звѣри, скрывавшіеся въ тайныхъ мѣстахъ, бросились на блаженнаго. Они обрадовались, что наконецъ-то представился давно желанный случай отмстить ему. Почему немедленно донесли Великому Князю, что Максимъ и Вассіанъ, съ друзьями своими, безчестятъ Русское царство и по своему произволенію искажаютъ смыслъ въ переводѣ церковныхъ книгъ; при этомъ, для болѣе вѣскаго обвиненія, враги Максима представили на видъ Великому Князю и то, что Максимъ вдобавокъ политическій преступникъ, и что онъ имѣетъ сношеніе съ подозрительными и опальными боя-

*) Акад. 25. Синод. 32. Рум. 23.

рами Берсенемъ и Жаренымъ, и наконецъ въ сношеніяхъ съ бывшимъ въ Москвѣ Турецкимъ посланникомъ Искендеромъ, чрезъ котораго будто бы писалъ Султану, чтобы онъ шелъ на Россію войною, выставляя ея слабыя военныя силы и неукрѣпленныя границы.

Разгнѣванный Князь, желая избавиться отъ Максима, какъ отъ человѣка, неподчиняющагося его волѣ, внялъ клеветѣ, и строгаго ревнителя истины внезапно схватили и заковавши въ тяжелыя кандалы бросили въ мрачную темницу Симоновскаго монастыря.

Чрезъ нѣсколько дней страдальца потребовали въ судъ для допроса; первую вину поставили ему, какія онъ имѣлъ сношенія съ опальными боярами? На что Максимъ искренно отвѣчалъ и по своему добродушію не только высказалъ то, что бояре приходя къ нему за совѣтами жаловались, но даже раскрылъ предъ ними и то, что собственно онъ самъ думалъ касательно Великаго Князя, т. е. о его невниманіи къ слезамъ вдовицъ;—этимъ онъ давалъ выразумѣть о добродѣтельной Великой Княгинѣ Соломоніи, которая уже была пострижена подъ именемъ Софіи, и въ то время, когда Митрополитъ обрѣзывалъ волосы несчастной Княгинѣ, она плакала и рыдала, и съ растерзанною душею предъ всѣми объявила, что ее постригаютъ насильно, и Бога призывала мстителемъ оскорбленія. Послѣ насильнаго постриженія, Соломонію заклю-

чили въ Суздальскій монастырь, а Великій Князь сочтался бракомъ съ Еленою Глинскою *).

Итакъ, изслѣдованіе дѣла не привело ни къ какому результату и окончилось тѣмъ, что Максима оставили пока на свободѣ. Но въ то же время обратились къ такому предмету, по которому, казалось, легче было обвинить Максима,— по дѣлу о исправленіи церковныхъ книгъ. Для этого по волѣ Митрополита Даніила созванъ былъ Соборъ въ великокняжескихъ палатахъ, на которомъ обвиняли Преподобнаго не только за переводъ толковой псалтири, но и за то, что онъ въ своей тріоди умышленно исказилъ смыслъ Священнаго Писанія, и давалъ значеніе прошедшаго времени дѣйствію непреходящему, как напримѣръ, въ выраженіи о Сынѣ Божіемъ: „Сѣде одесную Бога“, замѣнилъ прошедшимъ временемъ: „сѣдѣлъ еси“, и что воскресшую плоть Христову наименовалъ описуемою.

Максимъ твердо стоялъ за непогрѣшимость своего перевода и въ оправданіе свое указывалъ на грамматическое значеніе означенныхъ словъ, которыя значились въ прошедшемъ времени; но враги не хотѣли его слушать и означенное выраженіе обратили ему въ вину, и осудили какъ еретика. Тогда Максимъ съ смиреніемъ обратился къ Собору, и просилъ прощенія въ этой независѣвшей

*) Сказаніе Кн. Курбскаго стр. 306, примѣч. 4.

отъ него ошибкѣ, ссылаясь на то, что онъ въ то время не былъ хорошо ознакомленъ съ Церковно-Славянскимъ языкомъ, и свою мысль передавалъ Русскимъ переводчикамъ на Латинскомъ языкѣ. Что же касается слова „описуемою", старался защищать доказательствомъ изъ Св. Писанія, но при общемъ шумѣ и говорѣ гласъ его былъ подобенъ гласу вопіющаго въ пустынѣ.

Блаженный Максимъ три раза повергался на землю предъ Соборомъ, умоляя о помилованіи, ради милости Божіей, ради немощей человѣческихъ, со слезами просилъ простить ему ошибки, если онѣ были допущены имъ въ книгахъ; но все было напрасно, затронутое самолюбіе Митрополита Даніила и другихъ требовало мести, почему осудивши его какъ еретика, и какъ нераскаяннаго грѣшника отлучивши отъ пріобщенія Св. Христовыхъ Таинъ и хожденія въ церковь, тайно вывезли его изъ Москвы въ Волоколамскій монастырь, гдѣ бросили въ душную темницу, наказавъ игумену и старцамъ не допускать къ нему никого изъ постороннихъ. Къ несчастію блаженнаго Максима, въ то время игуменомъ Волоколамскаго монастыря былъ суровый и немилосердный Нифонтъ, ученикъ Митрополита Даніила, который, поправши спасительную заповѣдь человѣколюбія, въ угоду Даніилу, старался всѣми силами оскорблять и мучить невиннаго страдальца. Здѣсь въ мрачной и смрадной темницѣ отъ дыма, побоевъ и тяжелыхъ оковъ,

онъ часто изнемогалъ и былъ какъ мертвый; на подкрѣпленіе исповѣдника Христова явился ему Ангелъ, укрѣпилъ его въ терпѣніи и сказалъ: „терпи, старецъ, этими временными муками ты избавишься отъ вѣчныхъ мукъ“.

Небесный посѣтитель укрѣпилъ изнывшій духъ Максима, и онъ отъ полноты всего сердца возблагодарилъ небеснаго Творца, и углемъ на стѣнахъ темницы написалъ канонъ Утѣшителю Св. Духу, который и нынѣ воспѣвается православною церковію.

Изгнавъ изъ града преподобнаго Максима, враги его не оставили въ покоѣ его друзей и учениковъ, которые подверглись участи подобной участи ихъ друга и учителя: Силуанъ отвезенъ въ Соловецкій монастырь и тамъ повѣшенный въ дыму уморенъ; Михаилъ Медоварцевъ сосланъ въ Коломну, а Савва Святогорецъ, Архимандритъ Спасскій, заточенъ въ Возмицкій монастырь города Волоколамска. Наконецъ и другъ его Вассіанъ, несмотря на то, что былъ княжескаго рода, былъ сосланъ въ заточеніе въ Волоколамскую обитель, немного позже преподобнаго Максима.

И такимъ образомъ злоба человѣческая достигла своего: ревнители и труженики уничтожены, правда попрана. Нѣтъ болѣе того ратоборца благочестія, который угрожающими своими словами сдерживалъ свирѣпыя страсти, почему люди одержимые порокомъ не рѣшались открыто предаваться

оному. Но лишь только блаженнаго заключили въ темницу и обличительное слово его замолкло, то, какъ и должно быть, удерживаемыя доселѣ страсти, подобно прорвавшемуся потоку, начали проявляться открыто во всей своей наготѣ и безобразіи: жизнь сдѣлалась свободною, пороки и обиды безсильныхъ оставались безнаказанными, — и всѣ эти злодѣянія накликали на себя уже не миролюбиваго обличителя препододнаго Максима, но грознаго Судію, который и не замедлилъ своимъ судомъ, какъ увидимъ это ниже.

Прошло пять лѣтъ со дня заточенія блаженнаго Максима, какъ вдругъ въ 1531 году, на него обрушилась новая бѣда. Въ то время Макарій, Архіепископъ Новгородскій, собиравшій свои Чети-Минеи, обратилъ вниманіе на переводъ жизни Божіей Матери, сдѣланный Максимомъ назадъ тому десять лѣтъ. Для этого былъ открытъ новый Соборъ и страдальца опять привели на судъ. Когда были прочитаны тѣ мѣста, въ которыхъ оказались ошибки, Максима поразили тѣ хульныя слова, которыя внесены въ его переводъ. Ученый мужъ сильно оскорбился и съ негодованіемъ воскликнулъ: „Ложь! я такъ не переводилъ, я такъ не писалъ и не велѣлъ писать, я такъ не мудрствую и кто такъ мудрствуетъ, тотъ пусть будетъ проклятъ!“ Но его оправданіе было подавлено двумя лжесвидѣтелями, которые подтверждали, что будто бы неоднократно они слышали хулы отъ самого Максима, когда вы-

сказывали сомнѣніе противъ его перевода; на что будто Максимъ отвѣчалъ: „такъ это надобно". Потомъ спрашивали Преподобнаго, почему онъ исключилъ изъ службы Троицкой вечерни великій отпустъ, а изъ осьмого члена Сѵмвола вѣры слово „истиннаго"?

— Потому, отвѣчалъ Преподобный, что въ древнихъ Греческихъ рукописяхъ слова „истиннаго" вовсе нѣтъ, но вмѣсто онаго слово „Господа животворящаго". Что же касается Троицкой вечерни, то свидѣтельствую вамъ своею совѣстію, что я ничего не приказывалъ исключать.

Но неправедные судьи при всей невинности страдальца, вмѣсто совершеннаго освобожденія, отправили его въ Тверь, въ Отрочь монастырь, подъ надзоръ добродушнаго Епископа Акакія. Акакій принялъ преподобнаго Максима милостиво, обходился съ нимъ привѣтливо, и не стѣсняясь опредѣленіемъ соборнымъ часто приглашалъ его къ своей трапезѣ. Здѣсь блаженный узникъ встрѣтилъ кромѣ ласковости не малую отраду въ томъ, что ему позволялось писать и читать книги. Здѣсь въ темницѣ, труженикъ опять взялся за перо и въ утѣшеніе и укрѣпленіе себя въ терпѣніи написалъ: „Не тужи, не скорби ниже тоскуй, любезная душа о томъ, что страждешь безъ правды, отъ руки тѣхъ, отъ коихъ слѣдовало бы тебѣ принять всѣ блага, такъ какъ ты питала ихъ духовною трапезою, исполненною Св. Духа, т. е. толкованіемъ

боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давидовыхъ, которыя я перевелъ съ Греческаго на Русскій языкъ; а потому благодари твоего Владыку и прославляй Его, что сподобилъ тебя въ нынѣшнемъ житіи, временными скорбями, заплатить съ прибылью весь долгъ. И такъ внимай себѣ, да не помыслишь, что время сіе есть время сѣтованія, напротивъ, время божественной радости, да не постраждешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность въ настоящемъ и въ будущемъ вѣкѣ. Если такъ вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, ибо награда твоя многая на небесахъ, какъ объ этомъ говоритъ небесная Истина".

Въ 1534 году до преподобнаго Максима дошелъ слухъ, что Великій Князь Василій Іоанновичъ скончался; узникъ воспользовался благопріятнымъ временемъ оправдать себя въ возведенныхъ на него винахъ. Онъ думалъ, что со смертію непріязненнаго къ нему Государя, новое правительство обратитъ вниманіе на его долголѣтнее заключеніе и, сжалившись, выпуститъ его на свободу. Но, чтобы болѣе расположить правителей судить праведно, онъ написалъ свое исповѣданіе, оправдывая себя въ возводимыхъ на него клеветахъ. „Поелику нѣкоторые, писалъ онъ, не знаю почему, не страшатся называть меня еретикомъ, человѣка совершенно невиннаго, и даже врагомъ и измѣнникомъ Россійскаго Государства, а потому считаю долгомъ выяснить моимъ клеветникамъ, что я по милости

Великаго Бога истинно вѣрую въ Спасителя моего Іисуса Христа, и твердо исповѣдую догматы Св. Церкви; и кромѣ того усердный богомолецъ за Русское Царство. Если же я и не обладаю высокимъ умомъ и не искусенъ въ разумѣніи божественныхъ писаній, однако посланъ сюда изъ Св. Горы великими преподобными отцами, вслѣдствіе прошенія благовѣрнаго Великаго Князя, отъ котораго въ теченіе девяти лѣтъ пользовался почестями и уваженіемъ. По его повелѣнію я перевелъ не только толкованіе Греческой псалтири, но и другія богодохновенныя книги, которыя искажены несвѣдущими книжнаго дѣла переписчиками,—все это мною помогающему мнѣ Св. Духу исправлено. Но не знаю, почему враждебно ко мнѣ расположенные утверждаютъ: будто я своимъ исправленіемъ только испортилъ книги? Напротивъ, совѣсть моя чиста и я не буду за это отвѣчать предъ страшнымъ судищемъ Божіимъ, такъ какъ я старался со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божіимъ исправлять въ нихъ лишь только то, что испорчено неискусными переписчиками. При этомъ быть можетъ враги мои поставятъ въ вину мою и то, что Св. угодники Божіи, просіявшіе чудесами въ Россійскомъ Государствѣ, угодили Богу и не по исправленнымъ книгамъ, чѣмъ какъ бы я нанесъ оскорбленіе Великимъ Чудотворцамъ Русской Церкви. Но я на это укажу имъ на Апостола Павла, который говоритъ: *„одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово*

разума тѣмъ же Духомъ, иному же дарованіе исцѣленій въ томъ же Духѣ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества, иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому, какъ Ему угодно" *). Изъ этого каждый долженъ видѣть, что не всякому даются вмѣстѣ всѣ дарованія духовныя. И я отъ всего сердца моего вѣрю, что святые Русскіе Чудотворцы, по дарованію данному имъ свыше, возсіяли какъ свѣтила озаряющія землю Русскую, и я ублажаю и покланяюся имъ, какъ угодникамъ Божіимъ. Что же касается знанія языковъ и толкованія оныхъ,—этого они не приняли отъ всеблагой премудрости Св. Духа. Поэтому не должно удивляться, если отъ столь святыхъ мужей утаилось исправленіе тѣхъ мѣстъ въ боговдохновенныхъ книгахъ, которыя мною исправлены, ибо имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрія, кротости и святости житія, дано было дарованіе исцѣленій и чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ человѣкъ, дарованы знаніе и толкованіе языковъ".

„Богъ свидѣтель за меня, недостойнаго, предъ вами благовѣрными; пишу вамъ не по лицемѣрію, какъ будто хотѣлъ льстить вамъ, или желалъ получить отъ васъ облегченіе въ скорби временной, которая лежитъ на мнѣ уже 19 лѣтъ".

*) 1 Корѳ. XII, 7—11.

Въ заключеніе же своего посланія преподобный Максимъ умолялъ отпустить его на Аѳонскую Гору, въ его прежнюю обитель, представляя и то, что судъ надъ нимъ принадлежитъ не Русскимъ Епископамъ, а Вселенскому Патріарху. Но участь блаженнаго Максима нисколько не измѣнилась, такъ какъ въ то время мятежники-бояре, управлявшіе Государствомъ, заняты были каждый своими интригами и, въ чаду честолюбивыхъ замысловъ, губили одинъ другаго. Поэтому неудивительно, что просьба страдальца не произвела на нихъ никакого дѣйствія. Между тѣмъ и въ Отрочѣ монастырѣ преподобный Максимъ не имѣлъ уже той свободы, какую онъ имѣлъ до этого. Причина тому была та, что блаженный Максимъ, по своему прямодушію и ревности, высказалъ рѣзко правду, по поводу сгорѣвшаго въ Твери въ 1557 году великолѣпнаго храма, коснувшись не только жителей Твери, но и самого Епископа. Это обличеніе возбудило негодованіе Акакія, за что онъ сильно прогнѣвался на Максима, и какъ человѣкъ съ ревностью къ истинѣ, но безъ знанія истины, огласилъ его обличеніе даже не православнымъ.

Наконецъ приспѣло время и суда Божія надъ гонителями неповиннаго страдальца. Такъ, Митрополитъ Даніилъ, вскорѣ послѣ смерти правительницы Елены, послѣ десятилѣтняго управленія Церковію, сосланъ былъ въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь, получивъ должное за

несправедливое гоненіе праведника. Чрезъ нѣсколько времени преподобный Максимъ узналъ отъ близкаго къ себѣ человѣка, что Даніилъ по прежнему питаетъ къ нему нерасположеніе, а потому желая примирить съ собою совѣсть изгнаннаго Митрополита, незлобивый страдалецъ письменно умолялъ его, именемъ милосерднаго Бога, разорвать вражду, происшедшую отъ оскорбленнаго самолюбія; но ожесточенное сердце Даніила не вняло мольбѣ, и оставалось глухо и нѣмо на миролюбивыя слова блаженнаго Максима.

На мѣсто низверженнаго Митрополита Даніила поступилъ новый—Іоасафъ. Сему святителю преподобный Максимъ счелъ нужнымъ повторить отчетъ о своей вѣрѣ, для этого онъ ему писалъ, что онъ истинно исповѣдуетъ православную вѣру, и никогда въ мысли не имѣлъ уклониться, хотя въ малѣйшей іотѣ отъ православія. Добродѣтельный Іоасафъ понималъ Максима, но ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ самъ скоро невольно оставилъ каѳедру. Впрочемъ святый мужъ, желая оказать страдальцу хотя малую отраду, писалъ ему утѣшительное письмо: „цѣлуемъ узы твои, какъ единаго отъ святыхъ, но ничего не можемъ сдѣлать въ твое облегченіе“, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ допустить преподобнаго Максима до пріобщенія Св. Таинъ и хожденія въ церковь.

Съ какою радостью невинно отлученный отъ лона матери-Церкви, послѣ тринадцатилѣтняго

запрещенія, приступилъ блаженный Максимъ къ Пречистымъ Христовымъ Тайнамъ! Какимъ божественнымъ пламенемъ горѣло его сердце, когда онъ пріобщился божественнаго тѣла и крови Господа Іисуса!

Теперь только страдалецъ ощутилъ полное утѣшеніе. Великая душа его обновилась новою жизнію. Но это божественное утѣшеніе опять было разстроено злобою коварныхъ людей, которые святаго Іоасафа, единственнаго человѣка, понимавшаго и оцѣнившаго его, и къ которому онъ питалъ взаимно глубокое уваженіе,—этого добродѣтельнаго мужа низвергли съ каѳедры; при томъ ихъ наглость простерта была до того, что въ его келью бросали каменьями *).

Больно было изнывшему сердцу преподобнаго Максима видѣть правду попираемою невѣжествомъ, а равно страсти и пороки въ тѣхъ боярахъ, которые, за малолѣтствомъ Іоанна Грознаго, управляли Государствомъ. Въ это время всякаго рода своеволіе и насиліе бояръ-правителей не знало никакихъ границъ. Даже рабы ихъ сдѣлались владыками Россіи и не менѣе господъ своихъ угнетали народъ. Не было ни суда, ни расправы, никто не былъ увѣренъ въ собственности и личной безопасности. Это горестное состояніе Россіи такъ описываетъ лѣтописецъ: „Тогда (т. е. по смерти Ва-

*) Царств. Кн. 103. Посл. Ц. Іоанна IV къ Кн. Курбскому, соч. Курбскаго II, 51.

силія Іоанновича) княземъ, и боярамъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ, самоволіемъ объятымъ, и въ безстрашіи живущимъ, и не правосудящимъ, но по мздѣ, и насильствующемъ людемъ, и никого же боящимся, поневе бо великій князь бѣ юнъ, и ниже страха имущимъ и небрегущимъ отъ супостатъ россійскія земли, тамо бо языцы поганіи христіанъ губяху и воевоху, здѣ же бояре и воеводы мздами и налогами и великими продажами христіанъ губяху. Такожде и обычные дворяне и дѣти боярскіе и рабы ихъ творяху, на господей своихъ зряще. Тогда же во градѣхъ и селѣхъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татбы и разбои умножишася, и буйства и грабленія многа". Отъ такого безчеловѣчнаго правленія были: *„слезы и рыданіе, и вопль многъ по всей Русской земли"* *).

Все это возбудило въ преподобномъ Максимѣ ревность, и онъ, пренебрегая всѣми могущими произойти собственно для него опасностями, рѣшился изобразить аллегорически мастерскою рукою состояніе Русскаго Царства того времени: „Шолъ я по трудному и скорбному пути, такъ начинаетъ свое слово преподобный Максимъ, и увидѣлъ жену, сидящую при пути съ поникшею головою, горько сѣтующую и неутѣшно плачущую, одѣтую въ черныя ризы, приличныя вдовамъ; вокругъ нея было множество звѣрей: львовъ, медвѣдей, волковъ, шакаловъ. Я ужаснулся при этой странной и нечаян-

*) Никон. Лѣт. VII, 48.

ной встрѣчѣ; однажды дерзнулъ приступить къ женѣ съ вопросомъ: «кто она», и каково имя ей, и зачѣмъ она сидитъ при этомъ пути и плачетъ?» Дивная жена долго отказывалась отвѣчать мнѣ на эти вопросы, потому что боялась, чтобы я, предавъ услышанное отъ нея писанію, не подвергся гоненію отъ тѣхъ, которые отвращаются истины, что, по ея словамъ, причиняетъ конечную погибель человѣческимъ начальствамъ и властямъ. Наконецъ, уступивъ моимъ усерднымъ просьбамъ, она отвѣчала: «я, о странникъ! одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя небеснаго; мое имя *Василія*, что значитъ *Царство*. Я получила это имя отъ Вышняго въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостію и утвержденіемъ для своихъ подчиненныхъ, а не виною пагубы и смятенія». — На вопросъ мой о причинѣ ея печали и сидѣнія при пустынномъ пути, она отвѣчала: „къ прочимъ бо многимъ моимъ неисцѣльнымъ безгодіемъ *правящіе нынѣ мене*, отъ многія ихъ жестокости, ниже мало общеполезное совѣтованіе пріимаютъ доброхотныхъ ихъ, еже и паче иныхъ прозябшихся въ нихъ страстей, мене убо исключиму и поругаему сотворили, себе же самѣхъ удобѣ плѣняемыхъ показали (отъ) живущихъ окрестъ ихъ... Мене вси вкупѣ, продолжала дивная жена, елицы славолюбцы и властолюбцы суть нравомъ, *подручити себѣ тщатся*, мало же зѣло суть сущіи истиною мои рачители и украсителе, иже достойнѣ

Отца моего и царскаго нарѣченія устроющеи вещи живущихъ на земли человѣковъ, множайшіи бо подручниковъ моихъ, *сребролюбіемъ и лихоимствомъ одолѣваеми, лютѣйше морятъ подручниковъ всяческими истязаніи, денежными и нужными строеніи многоцѣнныхъ домовъ*, ни чимъ же пособствующи ко утвержденію державы ихъ, но точію на излишнее угожденіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ.. *домы же ихъ — домы беззаконія, ики отъ неправедныхъ истязаній устроены и исполнены всегда всякимъ лихоимствомъ и безчиніемъ*. . Они (иже во власти) благочестный сонъ царскій растлѣваютъ всяческими своими неправдованіи и лихоиманіи и богомерзкими блуженіи, ихъ же ноги скорѣйши въ еже изливати крови, по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской... ни священническое ученіе духовное пріемлютъ, ниже совѣтованіе многоискусныхъ старцевъ, ниже прещеніямъ боговдохновенныхъ писаній внимаютъ, но ко всѣмъ симъ глухуютъ, якоже аспиди глусіи, затыкающе ушеса своя, единымъ же играніемъ сатанинскимъ и пищѣ всяцѣ и піянству и подчревнымъ сластемъ поработившеся, оставляются убо отъ Бога, обладаемы же бываютъ прочее отъ лукавыхъ духовъ и бѣсы носимы бываютъ".. Поскорбѣвъ обо всемъ этомъ, я спросилъ благородную жену: „что значитъ этотъ пустынный путь и окружающіе тебя звѣри?" Она отвѣчала: „этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго послѣдняго сего вѣка, какъ уже лишен-

наго благовѣрномудренныхъ царей, ревнителей Отца моего небеснаго" *).

Хотя всѣ эти бѣдствія Россіи и поражали глубокою скорбію душу преподобнаго Максима, но были и радостные дни для его изнывшаго сердца. Такъ, въ 1541 году, по предстательству Царицы небесной, Москва обрадована была неожиданнымъ бѣгствомъ изъ Россіи грозныхъ полчищъ Крымскаго Хана. Максимъ воспѣлъ благодарственную пѣснь Господу Іисусу за спасеніе Россіи; и въ то же время въ уединеніи своемъ изливалъ скорбь объ участи грѣшной души за предѣлами гроба, переводя слово Св. Кирилла объ исходѣ души.

Въ 1545 году Восточные Патріархи: Константинопольскій Діонисій и Александрійскій Іоакимъ, обратили вниманіе на долго томившагося на Руси страдальца правды ради, а потому вступились за него и просили Царя Іоанна IV-го объ освобожденіи блаженнаго Максима. Особенно ходатайствовалъ за невиннаго страдальца Іоакимъ, который Іоанну писалъ: „Имѣемъ слово и малое прошеніе изглаголать царствію твоему и молимъ, да услышишь внятно: тутъ въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ, инокъ отъ Св. Горы Аѳонской, учитель православной вѣры, имя ему Максимъ; на него, по дѣйству діавольскому и козням злыхъ людей, крѣпко разгнѣвалось величайшее

*) Слово на князей, Акад. 26. Синод. 28.

твое царствіе и ввергло его въ темницы и узы нерѣшимыя, и не можетъ ни туда ни сюда ходить и учить слову Божію, какъ даровалъ ему Богъ. Мы слышали о немъ и получили писаніе отъ многихъ великихъ людей, тамъ сущихъ, и отъ Св. Горы Аѳонской, что тотъ Максимъ, связанный, неправедно связанъ и пойманъ отъ царства и власти твоей. Не творятъ такъ православные христіане надъ нищимъ, паче же надъ инокомъ, и наипаче цари, удостоенные великаго смысла и ученные отъ Бога праведными судіями, чтобы имѣть дверь свою отверзтою ко всѣмъ приходящимъ. Праведно заключать въ узы небоящихся тебя, озлобляющихъ, и вязать хотящихъ вамъ зла; но убогихъ, наипаче же учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, который наставлялъ, поучалъ и пользовалъ многихъ христіанъ въ царствіи твоемъ и индѣ, не подобаетъ неправедно держать и силою оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнутъ до конца, а наипаче иноковъ; неприлично царствію твоему давать вѣру всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія; сего ради молимъ, когда увидишь посланіе наше, да освободишь вышеписаннаго инока Максима Святогорца и дашь ему всякую свободу идти куда пожелаетъ, наипаче же на свое постриженіе. Помоги и поспѣши ему, сколько Богъ поможетъ на сердцѣ твоемъ, по обычаю похвальнаго твоего царствія и не хоти посрамить насъ въ этомъ. Если послу-

шаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога, а отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ доселѣ, не просилъ какого-либо утѣшенія отъ тебя, не оскорби же меня и въ этомъ и не заставь написать иное посланіе царствію твоему, вторичное моленіе, ибо не престану отъ такихъ прошеній, доколѣ не услышитъ меня великое твое царствіе и не даруетъ мнѣ сего человѣка *).

Но должно быть промыслу Божію не угодно было склонить сердце царево на милость. Всеблагій Промыслитель, по своему предвѣдѣнію, восхотѣлъ еще испытать терпѣніе страдальца, почему прошенія Патріарха остались безъ успѣха.

Съ другой стороны, подозрительный духъ того времени никоимъ образомъ не дозволилъ бы отпустить на Востокъ блаженнаго Максима, такъ какъ онъ проживши столько лѣтъ въ Россіи, и при томъ имѣя сношенія съ государственными сановниками, при своемъ многостороннемъ взглядѣ вполнѣ изучилъ Россію и ея состояніе. Поэтому по политическимъ взглядамъ не могли уважить просьбу Патріарховъ. И такимъ образомъ суждено блаженному страдальцу еще пробыть въ заточеніи 6 лѣтъ. Наконецъ въ 1551 году, послѣ 25-ти лѣтняго заключенія, Игуменъ Троицко-Сергіева монастыря Артемій, другъ блаженнаго Максима, вмѣстѣ съ

*) Истор. Акт. т. I. стр. 339—341.

нѣкоторыми добродѣтельными боярами упросилъ Царя освободить невиннаго страдальца изъ заточенія, и блаженный Максимъ мирно принятъ былъ въ Москвѣ, и потомъ съ честію вступилъ въ Сергіеву обитель. Но страдалецъ былъ уже изможденъ отъ тяжести оковъ и темничнаго заточенія, внутреннихъ и внѣшнихъ скорбей и страданій, слабъ былъ всѣмъ тѣломъ; но духъ его былъ бодръ и даже сталъ способенъ къ болѣе высокимъ и чистымъ созерцаніямъ *).

Въ 1552 году, т. е. спустя годъ по водвореніи преподобнаго Максима въ Сергіевой обители, преподобный ученикъ его Нилъ **) сталъ просить великаго своего Старца перевесть псалтирь съ Греческаго на Русскій языкъ, на что Преподобный, несмотря на свои преклонныя лѣта (70), согласился и опять взявшись за перо принялся за любимый трудъ.

Въ 1553 году, Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ бытность свою въ Троицко-Сергіевой обители, счелъ долгомъ посѣтить Святаго Старца въ его убогой кельи; съ удовольствіемъ слушалъ его наставленія. и между прочимъ высказалъ ему свое намѣреніе совершить путешествіе въ Кириллову обитель, въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни. Но старецъ на его желаніе сказалъ: „Обѣтъ твой не согласуемъ разуму; а то сего ради: вдовы,

*) Каранз., т. VIII, приб. 386. Курбскій I, 49.

**) Нилъ былъ изъ рода князей Курлятевыхъ.

сироты, матери избіенныхъ подъ Казанію ліютъ слезы, ожидая твоей помощи, собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ святые возрадуются о тебѣ и вознесутъ моленіе: понеже Богъ и святые Его не по мѣсту молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй волѣ нашей и по самовластію". Но Царь не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія и приказалъ своимъ вельможамъ готовиться въ путь.

Между тѣмъ и Св. Старецъ также остался вѣрнымъ своимъ словамъ и просилъ приближеннаго къ Царю Князя Курбскаго передать Грозному, что „аще не послушаеши мене, по Бозѣ совѣтующаго ти, и презриши крови избіенныхъ отъ поганыхъ, вѣдай о семъ, сынъ твой умретъ". Царь не послушался и пророчество святаго исполнилось *).

Не безъ промысла Божія совершилось это дѣло, такъ какъ правда Божія восхотѣла еще при жизни пристыдить враговъ угодника Своего, и чрезъ сбывшееся пророчество давала уразумѣть гонителямъ святость того, котораго они отлучили отъ Церкви и считали погибшимъ еретикомъ. Наконецъ и самъ Царь устрашился, вспомнивши свое невниманіе къ Святому, когда онъ, описывая свою невинность, умолялъ его отпустить на Св. Гору. Все это заставило Грознаго измѣнить убѣжденіе противъ Преподобнаго, и съ этого времени онъ сталъ питать къ нему глубокое уваженіе не толь-

*) Карамз. т. VIII, стр. 212 пр. 383.

ко какъ къ исповѣднику истины, но и какъ къ пророку.

Въ 1554 году возникло новое волненіе въ Русской Церкви отъ нѣкоего Матвѣя Башкина, который, будучи зараженъ ересью подобною Кальвинской, отвергалъ догматическое ученіе православной Церкви и обряды христіанскаго богослуженія. Вслѣдствіе этого Іоаннъ Васильевичъ IV приглашалъ преподобнаго Максима въ Москву на Соборъ противъ еретика, но Преподобный, по разстроенному здоровью и старческимъ недугамъ, отказался отъ присутствованія на Соборѣ. Между тѣмъ Царь, уже узнавши святость его и почитая великимъ мужемъ, просилъ его хотя прислать письменное свое мнѣніе о новомъ ученіи: „Да будетъ тебѣ вѣдомо, писалъ ему Царь, ради какой вины поднялись мы писать къ тебѣ сіе посланіе, ибо дошло до нашего слуха, что нѣкоторые еретики не исповѣдуютъ Сына Божія равна Отцу, и Святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа и честную кровь Его ни во что вмѣняютъ, но какъ простой хлѣбъ и вино пріемлютъ, и церковь отрицаютъ, и называютъ идолами изображенія Господа, Пречистой Его Матери и всѣхъ святыхъ и не пріемлютъ покаянія, ни отеческихъ преданій, возлагая гордость свою на седмь Вселенскихъ Соборовъ, и иныхъ поучаютъ сему злочестію: сего ради содрогнулся я душею и воздохнулъ изъ глубины сердца, и не мало о томъ поболѣзновалъ, что такое злочестіе

вошло въ землю нашу, въ нынѣшнее слабое время въ послѣдніе роды, и помыслилъ возложить печаль свою на Господа, да соберутся всѣ обрѣтающіеся подъ областію моею Епископы, Игумены и черноризцы, да исторгнутъ терніе изъ чистой пшеницы и будутъ споспѣшники святымъ седми Вселенскимъ Соборамъ. Изволилось мнѣ и по тебя послать, да будешь и ты поборникомъ православія, какъ первые богоносные отцы, да примутъ и тебя небесныя обители, какъ и прежде подвизавшихся ревнителей благочестія, имена коихъ тебѣ извѣстны.

И такъ явись имъ споспѣшникомъ и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножь и ко мнѣ пришли отповѣдь на нынѣшнее злодѣйство; слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что счисляемъ тебя съ Матвѣемъ. Но не буди того, чтобы вѣрнаго вчитать съ невѣрными; ты же отложи всякое сомнѣніе и, по данному тебѣ таланту, насъ писаніемъ не оставь и отвѣть на сіе посланіе; прочее же миръ тебѣ о Христѣ. Аминь“ *).

Теперь только поняли великаго дѣятеля Русской Церкви! Истина восторжествовала надъ мракомъ невѣжества. Теперь-то, когда великій труженикъ и страдалецъ, удрученный старостью и недугами, готовился предстать на судъ Божій, отдаютъ ему полную справедливость! Такимъ обра-

*) Историч. Акты, т I. № 161.

зомъ отзывъ преподобнаго Максима о новомъ ученіи было послѣднимъ его церковнымъ дѣяніемъ, ибо черезъ годъ (1556). послѣ тридцативосьмилѣтнихъ трудовъ и страданій для блага Русской Церкви, онъ скончался *).

Вѣсть о кончинѣ преподобнаго Максима какъ громомъ поразила Московскихъ жителей, которые, какбы проснувшись отъ глубокаго сна, вдругъ почувствовали къ Преподобному особое уваженіе, а потому многіе спѣшили къ останкамъ его, какъ къ мощамъ, называя его то пророкомъ, то великимъ учителемъ *). Дѣйствительно, незабвененъ долженъ быть для Русскаго народа невинный страдалецъ, преподобный Максимъ Грекъ, ярче другихъ освѣтившій мракъ тогдашняго времени, который съ болѣзненнымъ воплемъ своими словами вызывалъ изъ онаго несчастныхъ на путь спасенія. Хотя онъ и дорого поплатился за свою пламенную любовь къ истинѣ и за ревность къ славѣ Божіей, но, несмотря на все это, посѣянное имъ сѣмя впослѣдствіи принесло изобильные плоды отъ трудовъ праведнаго мужа.

Спустя три года (1559) послѣ кончины преподобнаго Максима, во время пребыванія въ Москвѣ Константинопольскаго Патріарха Іереміи, который пріѣхалъ для посвященія перваго Всероссійскаго Патріарха Іова, Архимандритъ Сергіевой обители и

*) Карамз. т. VIII прим. 386.

*) Карамз. т. VIII, прим. 386.

многіе благочестивые люди за долгъ совѣсти сочли просить его, чтобы торжественно произнесено было разрѣшеніе почившему труженику, и Патріархъ съ любовію далъ отъ себя прощальную грамоту сему исповѣднику.

Къ числу почитателей преподобнаго Максима принадлежалъ Князь Курбскій, ревностный защитникъ православія, знавшій жизнь его, онъ не иначе называлъ его какъ Святымъ и Преподобнымъ, а также и преподобный Діонисій Архимандритъ Сергіевой обители, питая особую любовь къ Святому, много заботился о томъ, чтобы труды ученаго и праведнаго мужа были извѣстны Церкви. Митрополитъ же Московскій Платонъ устроилъ надъ прахомъ преподобнаго Максима раку и палатку. А въ 1833 году усердный почитатель великихъ людей, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Архимандритъ Антоній, по своей пламенной любви ко всему историческому, устроилъ надъ его могилою часовню, гдѣ во всякое время, по усердію желающихъ служится панихида по преподобномъ Максимѣ.

Послѣ себя, преподобный Максимъ оставилъ много ревностныхъ и умныхъ учениковъ. Таковы были, кромѣ вышепомянутыхъ страдальцевъ Силуана, Саввы Архимандрита Новоспасскаго и Михаила Медоварцева, инокъ Нилъ Курлятевъ, Димитрій Толмачъ, Зиновій инокъ Отенскій, мужъ съ просвѣщеніемъ, далеко превосходившимъ понятія его времени, Святый Германъ Архіепископъ Ка-

занскій, Князь Андрей Курбскій, который устныя наставленія „многострадальнаго Максима“ противопоставлялъ проповѣдникамъ лютеранства *).

Описавъ кратко жизнь преподобнаго Максима, не умолчимъ и о чудесахъ, бывшихъ надъ его гробомъ, которыя записаны въ преданіяхъ Сергіевой Лавры.

Такъ, въ 1651 году, во дни Всероссійскаго Патріарха Никона, пришелъ нѣкій человѣкъ изъ Москвы, слободы Кошельной, по обѣщанію въ обитель Преподобнаго Сергія и послѣ литургіи отслушавъ молебенъ, какъ самъ разсказывалъ инокамъ, утомившись сѣлъ, близъ храма Сошествія Св. Духа, на гробовой доскѣ; но вдругъ силою Божіею сбросило его съ гробницы, и несчастный вслѣдствіе паденія разбился и долго не могъ встать; но когда, собравшись съ силами, онъ приползъ къ могилѣ и сталъ спрашивать стоявшихъ тутъ людей: кто подъ доскою сей почиваетъ? они отвѣчали: „монахъ Максимъ Грекъ“; тогда разслабленный воскликнулъ: „Отче Максиме, прости меня!“ Когда по просьбѣ его была отслужена по преподобномъ Максимѣ панихида, то вслѣдъ затѣмъ оный разслабленный получилъ совершенное исцѣленіе.

Въ это время случилось быть келейнику соборнаго старца Вассіана, Іоанну, который, будучи

*) Карамз. т. IX, прим. 170. Курбскій I. 160—162, II, 187; письмо Курбскаго писано въ 1587 г.

одержимъ гордостью, не повѣрилъ чуду, и по самонадѣянности, сѣлъ на гробницу преподобнаго Максима, думая про себя: тогда я повѣрю бывшему чуду, когда и со мною то же самое случится; но несчастнаго постигъ гнѣвъ Божій и онъ былъ три раза сбрасываемъ съ гробницы, такъ что лицо его разбилось до крови и раздробились зубы съ поврежденіемъ языка; когда онъ всталъ и вспомнилъ свое невѣріе, тогда раскаявшись онъ обратился къ иконѣ Господа нашего Іисуса Христа, и сталъ просить прощенія. Въ это время впалъ онъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ предъ образомъ Всемилостиваго Спаса молящагося инока, котораго Іоаннъ спросилъ: кто ты? Когда же молящійся инокъ отвѣчалъ, что онъ: „Максимъ Грекъ", Іоаннъ сталъ просить у него прощенія, но Преподобный съ гнѣвомъ сказалъ ему: „За что безчестишь меня? ты слышалъ, что въ сей день былъ сброшенъ человѣкъ, сидѣвшій на моей могилѣ? а потому за твое невѣріе, ты получилъ должное". И не давши прощенія искалѣченному Іоанну, скрылся отъ него.

Издательство православной богословской литературы

"АКСИОН ЭСТИН"

(Санкт-Петербург)

Книги издательства "Аксион эстин" — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✔ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✔ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✔ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Вашн вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru